

На правах рукописи

Филёв Максим Викторович

**Повседневная жизнь переселенческого колхоза:
опыт микроисторического исследования**

Специальность 5.6.1 – Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Брянск – 2023

Работа выполнена на базе образовательно-научного кластера «Институт образования и гуманитарных наук» ФГАОУ ВО «Балтийский федеральный университет им. И. Канта»

Научный руководитель **Костяшов Юрий Владимирович,**
доктор исторических наук, профессор

Официальные оппоненты **Горбачёв Олег Витальевич,**
доктор исторических наук,
ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого президента России Б.Н. Ельцина», кафедра документоведения, архивоведения и истории государственного управления, профессор

Чирков Михаил Сергеевич,
кандидат исторических наук,
ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва»,
кафедра отечественной истории и историографии, доцент

Ведущая организация ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)»

Защита диссертации состоится «27» декабря 2023 г. в ___ часов ___ минут на заседании диссертационного совета 99.2.048.02 при ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского», ФГБОУ ВО «Смоленский государственный университет» по адресу: 241036, г. Брянск, ул. Бежицкая, 14, корп. __, ауд. № ____.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Брянского государственного университета по адресу 241036, г. Брянск, ул. Бежицкая, 14 и на сайте: <https://brgu.ru/science/aspirantura/nashi-zashchity>

Автореферат разослан «__» _____ 2023 г.

Ученый секретарь диссертационного совета

А. В. Сагимбаев

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Популярность истории повседневности в современной исторической науке связана с «кризисом объяснительных моделей “большой” политической истории»¹. История повседневности обращена не только к традиционным бытовым аспектам жизни, но и ставит перед собой задачу выявления интересов, потребностей и ценностей человека или группы людей, их жизненных стратегий и моделей поведения, чтобы «увидеть их мир “изнутри”, понять смысл или смыслы, которыми они его наполняли»².

Это направление исторической науки находит применение и в сфере аграрной истории советского времени. Привычное для многих поколений историков-аграрников обращение к статистическим данным, экономическим показателям, делопроизводственным источникам в значительной степени оставляет вне поля зрения изучение жизни и деятельности основного участника сельской жизни – обычного крестьянина.

Особую ценность для исследований по истории повседневности имеет локальный материал, поэтому перспективно применение *микроисторического подхода*, при котором изучаются отдельные небольшие территории или сообщества, например, артель – отдельное коллективное хозяйство. Такой подход предоставляет исследователю возможность понять обыденные, повторяющиеся аспекты жизни колхозника и определить специфику их проявлений в переселенческом колхозе на крайнем западе России, тем самым на конкретном примере

¹ Орлов И.Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М.: Изд-во НИУ ВШЭ, 2010. С. 20.

² Кром М.М. Повседневность как предмет исторического исследования // История повседневности. СПб.: Изд-во ЕУСПб, 2003. С. 8.

увидеть и изучить изнутри советскую колхозную систему.

Использование в отношении исследуемого сельхозпредприятия понятия «переселенческий колхоз» объясняется обстоятельствами его создания: изначально он был сформирован за счет переселенцев из Костромской области и Белорусской ССР. Переселенческий характер происхождения артели наложил отпечаток и на весь последующий период его существования, определив, например, особенности и квалификацию рабочей силы, специфику жизненного уклада и до некоторой степени своеобразие менталитета и социального поведения бывших переселенцев. Стоит отметить, что не только при создании, но и в последующие годы пополнение членов колхоза отчасти происходило за счет переселенцев из других регионов СССР.

Историографический обзор. В настоящем обзоре анализируются общие тенденции развития аграрных исследований по теме диссертации в советской, российской, зарубежной и региональной историографии. Кроме того, в начале каждой главы имеется небольшое историографическое введение с целью представить преобладающие в исторической науке взгляды на содержание и особенности конкретного периода в истории колхозов (поздний сталинизм, хрущевская оттепель, брежневский застой, горбачевская перестройка).

В исследованиях советского времени колхозный строй оценивался сугубо положительно, хотя и признавались его отдельные недостатки. История сельского хозяйства изучалась преимущественно на макроуровне: наибольшее внимание отводилось материально-технической базе колхозов, производственным планам и их выполнению, реализации аграрных реформ, в меньшей степени – культурной политике государства на селе. В качестве основных источников выступали материалы посвященных сельскому хозяйству партийных пленумов, законодательные акты, партийные и

правительственные постановления, статистическая документация. В подобном духе выдержаны многотомная «История крестьянства СССР» и многие другие работы³.

Были и попытки критически оценить некоторые аспекты советского сельского хозяйства. Заслуживает внимания работа В.Б. Островского, отмечавшего положительную роль личного подсобного хозяйства, благодаря которому преодолевался разрыв «в уровне оплаты труда и обеспечения рабочих и колхозников»⁴. В.Г. Венжер ратовал за идею отказа от жесткого централизованного планирования в пользу «исключительно стоимостных рычагов» (цена, прибыль, кредит, льготы и др.) «для воздействия на развитие колхозов»⁵. Такого рода критические оценки носили весьма сдержанный характер, при этом эффективность и необходимость колхозного строя не подвергались сомнению.

В постсоветской историографии изучение колхозной системы становится более критичным. В комплексном исследовании российского крестьянства 1950-х гг. О.М. Вербицкая пришла к выводу о том, что «недальновидность и неосмотрительность партийных и государственных политиков, в течение многих лет осуществлявших курс на перекачивание из деревни северных и центральных районов материальных и людских

³ См. например: Анисимов Н.И. Развитие сельского хозяйства в первой послевоенной пятилетке. М.: Госполитиздат, 1952. 136 с.; Арутюнян Ю.В. Социальная структура сельского населения СССР. М.: Мысль, 1971. 341 с.; Арутюнян Ю.В. Механизаторы сельского хозяйства СССР в 1929–1957 гг. М.: Издательство АН СССР, 1960. С. 268; Сергеев С.С. Организационно-хозяйственное укрепление колхозов и укрупнение мелких сельскохозяйственных артелей. М.: Сельхозгиз, 1951. 248 с.; История крестьянства СССР. Т. 2. М: Наука, 1986. 464 с.; История крестьянства СССР. Т. 4. М: Наука, 1988. 499 с.; Проблемы истории современной советской деревни. 1946–1973 гг. / ред. М.П. Ким. М.: Наука, 1975. 507 с.; Советская деревня в первые послевоенные годы 1946–1950 / И.М. Волков, Б.И. Ноткин, Ю.П. Денисов и др. М.: Наука, 1978. 511 с.

⁴ Островский В.Б. Колхозное крестьянство СССР. Политика партии в деревне и ее результаты. Саратов, 1967. С. 20.

⁵ Венжер В.Г. Колхозный строй на современном этапе. М.: Экономика, 1966. С. 12; Венжер В.Г. Производство, накопление, потребление. М.: Экономика, 1965. С. 279.

ресурсов в город, обернулась для нее почти полным запустением»⁶. В.Ф. Зима сравнил советский аграрный строй периода позднего сталинизма с «худшими временами крепостничества»⁷. В.П. Попов заключал, что «условия деревенской жизни после войны не только не улучшились, но своей тяжестью стали превосходить годы военного лихолетья»⁸. Нелицеприятную оценку многочисленным преобразованиям в сельском хозяйстве дал академик А.А. Никонов, отметив их противоречивость и субъективность, стремление к «безудержному огосударствлению и гигантизму»⁹.

В работах вологодских историков-аграрников М.А. Безнина, Т.М. Димони и Л.В. Изюмовой прослеживается общая идея о направленности государственной политики на постепенное раскрестьянивание деревни¹⁰, при этом объективно «тяжелые повинности» колхозников были

⁶ Вербицкая О.М. Российское крестьянство: от Сталина к Хрущёву. М.: Наука, 1992. С. 206.

⁷ Зима В.Ф. «Второе раскулачивание» (аграрная политика конца 40-х – начала 50-х годов) // Отечественная история. 1994. № 3. С. 109.

⁸ Попов В.П. Российская деревня после войны (июнь 1945 – март 1953). М.: Прометей, 1993. С. 4.

⁹ Никонов А.А. Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России (XVIII – XX вв.). М.: Энциклопедия российских деревень, 1995. С. 547–548.

¹⁰ См., например: Безнин М.А. Крестьянский двор в Российском Нечерноземье. 1950–1965

гг. Вологда: Изд-во ВГПИ, 1991. 256 с.; Безнин М.А., Димони Т.М. Аграрный строй России в 1930–1980-х годах (новый подход) // Вопросы истории. 2005. № 7. С. 23–44; Безнин М.А., Димони Т.М. Процесс капитализации в сельском хозяйстве 1930-1980-х гг. // Отечественная история. 2005. № 6. С. 94–121; Безнин М.А., Димони Т.М. Капитализация в российской деревне 1930-1980-х гг. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 128 с.; Безнин М.А., Димони Т.М. Менеджеры в сельском хозяйстве России 1930–1980-х годов (новый подход к социальной истории российской деревни) Вологда: Легия, 2009. 113 с.; Изюмова Л.В. Стратификация колхозной деревни в 1930–1960-е гг. (на материалах Европейского Севера России). Вологда: Изд-во ВГПУ, 2010. 176 с.; Безнин, М.А., Димони Т.М. Государственный капитализм в российской деревне 1930–1980-х гг. // Приволжский научный вестник. 2015. № 4. С. 49–59; Изюмова Л.В. Механизаторы в колхозах Европейского Севера России в 1930–1960-е годы: численность, состав, система подготовки // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 5. С. 25–32.

«важнейшим элементом трансформации российского общества из аграрного в индустриальное»¹¹.

Гораздо чаще современные историки обращаются к вопросам организации сельского досуга, функционированию сельских образовательных и медицинских учреждений, религии в крестьянской повседневности, роли женщин в колхозе¹² и пр. За последнее десятилетие появились и масштабные исследования послевоенной советской деревни, полностью построенные в парадигме повседневности¹³. При этом фокус внимания сосредоточен на эпохе позднего сталинизма, лишь в одной диссертации рассмотрена крестьянская повседневность периода оттепели.

Наибольший интерес *зарубежные исследователи* советского сельского хозяйства проявляют ко времени коллективизации¹⁴, тогда как

¹¹ Безнин М.А., Димони Т.М., Изюмова Л.В. Повинности российского крестьянства в 1930 – 1960-х годах. Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2001. С. 33.

¹² См., например: Кометчиков И.В. Клубные учреждения в повседневном досуге села Центрального Нечерноземья середины 1950-х – начала 1960-х гг. // Вестник ВГУ. 2014. № 6 (30). С. 20–29; Ищенко А.В., Ищенко Ю.В., Тихонов А.Р. Физкультура и спорт в российском селе второй половины 1930-х – начала 1950-х гг. на материалах Саратовской области // Физическая культура, спорт и здоровье. 2018. № 32-2. С. 54–57; Братарчук Т.В. Клуб в повседневной жизни села // Культура и цивилизация. 2022. Т. 12. № 1–2. С. 389–398. Абакумова Е.А., Аргунов О.Н., Волкова А.И. Восстановление и развитие киносети Курской области в первое десятилетие после освобождения от оккупации (1943–1953 гг.) // Ученые записки. ЭНЖ Курского государственного университета. 2022. № 3 (63). С. 50–57; Хасянов О.Р. Религиозная праздничная культура колхозной деревни в послевоенное десятилетие (на материалах Куйбышевской и Ульяновской областей) // Научный диалог. 2015. № 12. С. 386–399; Хасянов О.Р. Роль женщины в хозяйственной повседневности послевоенной колхозной деревни (по материалам Ульяновской области) // Научный диалог. 2016. № 4 (52). 286–299.

¹³ Хасянов О.Р. Повседневная жизнь советского крестьянства периода позднего сталинизма. 1945–1953 гг. (на материалах Куйбышевской и Ульяновской областей). М.: Политическая энциклопедия, 2018. 359 с.; Ковригина С.В. Повседневная жизнь крестьянства Восточной Сибири в 1945–1953 гг.: на материалах Приангарья. Диссертация кандидата ист. наук. Иркутск, 2009. Лысенко Р.Ю. Повседневная жизнь российского крестьянства в годы «оттепели» (1953–1964 гг.). Диссертация кандидата ист. наук. М., 2009.

¹⁴ См., например: Merl S. Bauern unter Stalin die Formierung des sowjetischen Kolchossystems, 1930–1941. Berlin, 1989. 512 S.; Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М.: РОССПЭН, 2001. С.

послевоенному периоду уделяется меньше внимания¹⁵. Так, немецкий исследователь Ш. Мерль отмечает, что несмотря на смягчение в постсталинскую эпоху принудительного характера колхозного труда, «партийное руководство и при Хрущёве продолжало вмешиваться в процесс сельхозпроизводства с некомпетентными предписаниями, носящими характер мелочной опеки», а в годы перестройки «радикальные реформаторы» завершили «работу коммунистов по разрушению сельского хозяйства»¹⁶.

Тематика региональной историографии сельского хозяйства Калининградской области в советское время соответствовала общесоюзным стандартам, включая в себя прежде всего вопросы производственно-технического развития сельхозпредприятий региона¹⁷.

В постсоветский период интерес к истории калининградской деревни концентрировался на времени массового заселения области¹⁸. Важное место

275-276; Верт Н. Террор и беспорядок. Сталинизм как система. М.: РОССПЭН, 2010. 447 с.; Виола Л. Крестьянский бунт в эпоху Сталина: Коллективизация и культура крестьянского сопротивления М.: РОССПЭН, 2010. 367 с.

¹⁵ См., например: McCauley M. Khrushchev and the development of Soviet agriculture. The Virgin Land Programme 1953-1964. L., Basingstoke. 1976. 232 p.; McCauley M. Khrushchev and Khrushchevism. Bloomington: Indiana University Press, 1987. 243 p.; Hanson P. The Rise and Fall of the Soviet economy: an Economic History of the USSR from 1945. Routledge, 2003. 292 p.; Miller C. The struggle to save the Soviet economy: Mikhail Gorbachev and the collapse of the USSR. UNC Press Books, 2016. 244 p.

¹⁶ Мерль Ш. Советская экономика: современные оценки // Экономическая история: ежегодник. 2016. Т. 2016-17. С. 329–331.

¹⁷ См., например: Герасимов Н.В. Внутрихозяйственный расчет в колхозах. Калининград: Калинингр. кн. изд-во, 1968. 52 с.; Игруева М.Г. Горизонты сельского подряда. Калининград: Калинингр. кн. изд-во, 1984. 88 с.; Гальцова С.П. Основные этапы развития сельского хозяйства Калининградской области (1945-1980) // Северо-Запад в аграрной истории России. Калининград, 1985. С. 27–34.

¹⁸ См., например: Костяшов Ю.В. О формировании сельского населения Калининградской области в 1946-1951 гг. // Калининградские архивы. 2001. № 3. С. 227–236; Костяшов Ю.В. Секретная история Калининградской области. Очерки 1945–1956 гг. Калининград: Терра Балтика, 2009. 352 с.; Манкевич Д.В. К вопросу о заселении сельских районов Калининградской области // Калининградские архивы. 2011. № 9. С. 149–157; Маслов В.Н. Подготовка в 1946 году постановления Совета министров СССР о заселении сельских районов Калининградской области // Вестник Балтийского

продолжает занимать анализ производственно-трудовых отношений, материально-технической базы и организации колхозного труда¹⁹. Неоднократно рассматривалась пропагандистская и идеологическая работа на селе, развитие сельского образования²⁰. Важной вехой в региональной аграрной историографии стало издание в 2006 г. комплексного коллективного исследования «История сельского хозяйства Калининградской области»²¹.

В 2015 г. появилась написанная в русле истории повседневности монография Ю.В. Костяшова²², поставившего задачу «понять жизненные ценности и выяснить мотивацию социального поведения людей, раскрыть механизмы их адаптации и выживания в экстремальных условиях, в разрушенном войне крае»²³. Ему же принадлежит и первое в региональной историографии микроисторическое исследование, в котором в качестве объекта исследования был выбран совхоз № 19 Нестеровского района в

федерального университета им. И. Канта. 2013. № 6. С. 134–140; Полх П.П. Формирование сельского социума в восточных районах Калининградской области в конце 1940 – начале 1950-х гг. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2020. № 1. С. 206–213.

¹⁹ См., например: Гордеев И.А. О роли науки и научных учреждений страны в восстановлении сельского хозяйства Калининградской области // Калининградские архивы. 2000. № 2. С. 171–178. Полх П.П. Колхозы и МТС Калининградской области в послевоенные годы: поиск оптимальной модели взаимоотношений // Калининградские архивы. 2008. № 8. С. 138–148. Полх П.П. Система управления сельским хозяйством в Советском государстве на региональном уровне в начале 1960-х гг. и попытки ее организации (на материалах Калининградской области) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 5–6. С. 100–107.

²⁰ Костяшов Ю.В. Идеологические кампании периода позднего сталинизма в колхозах Калининградской области: история повседневности // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2012. № 12. С. 75–84; Полх П.П. К истории сельскохозяйственного образования в Калининграде // Калининградские архивы. 2018. Вып. 15. С. 78-92.

²¹ История сельского хозяйства Калининградской области / отв. ред. А.Л. Гусев, В.Н. Маслов. Калининград: Изд-во ИП Мишуткиной, 2006. 463 с.

²² Костяшов Ю.В. Повседневность послевоенной деревни. Из истории переселенческих колхозов Калининградской области 1946–1953 гг. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 263 с.

²³ Там же. С. 8.

первые послевоенные годы²⁴.

Характеризуя развитие аграрного направления региональной историографии, можно подчеркнуть, что в основном исследования сосредоточены вокруг первого послевоенного десятилетия. Этот вывод в большой степени относится и ко всей историографии. Гораздо меньше исследований по аграрной истории хрущевской оттепели, а последующие десятилетия пока изучены явно недостаточно, при этом микроисторический подход вообще является большой редкостью. Совокупность этих обстоятельств позволяет говорить о перспективности комплексных микроисторических исследований советской колхозной повседневности.

В качестве **объекта исследования** был выбран колхоз «Новая жизнь» (первоначальное название «Большевик») Правдинского района Калининградской области как производственная ячейка и сообщество людей, представлявший типичную для региона сельхозартель, соответствующую среднеобластным показателям по количеству дворов, земельной площади, производственным достижениям. **Предметом исследования** являются повседневные практики советских колхозников сельхозартели «Новая жизнь».

Цель настоящего микроисторического исследования состоит в том, чтобы на основе изучения повседневной жизни одного конкретного колхоза выявить условия существования, свойства и противоречия советской колхозной системы, проследить реакцию крестьян на изменяющиеся условия жизни и проводимую государством в деревне политику.

Для достижения поставленной цели были определены следующие **задачи**:

²⁴ Костяшов Ю.В. История одного совхоза: опыт микроисторического исследования // Веков неспешный ход: Проблемы социально-экономической и политической истории России. Калининград, 2018. С. 336–353.

1) рассмотреть процесс организации колхозного труда; определить стимулы людей к работе в колхозе и степень их трудовой мотивации;

2) выявить основные жизненные стратегии членов колхоза, характер их социального поведения, способы адаптации к условиям социально-экономической среды;

3) охарактеризовать отношения внутри артели и взаимодействие колхоза с внешним миром (органами власти, общественными институтами и хозяйственными предприятиями); выявить реакцию колхозников на политические события в стране и проследить их участие в идеологических кампаниях;

4) проанализировать условия жизни колхозников вне производственной сферы (быт, свободное время, культурные потребности, участие в общественной жизни).

Хронологические рамки исследования охватывают 46 лет с момента создания колхоза в 1946 г. и до 1992 г, когда колхоз был ликвидирован и преобразован в закрытое акционерное общество.

Территориальные рамки исследования включают в себя колхоз «Большевик» Правдинского района Калининградской области, который был организован в поселке Алленау (совр. Поречье). Позднее в его состав вошли населенные пункты Лукино, Раздольное и несколько хуторов. В декабре 1963 г. колхоз, с 1957 г. именовавшийся «Поречье», был объединен с артелью «Советская Россия», располагавшейся в поселках Дальнее и Киселевка, после чего получил название «Новая жизнь».

Источниковая база исследования. Исследование базируется на широком комплексе неопубликованных документов из фондов Государственного архива Калининградской области (ГАКО) и Архивного отдела администрации муниципального образования «Правдинский городской округ» (АОАМОПГО). Выбор колхоза «Новая жизнь» в качестве

объекта микроисторического исследования не в последнюю очередь обусловлен полнотой и хорошей сохранностью его архивных фондов.

Первоочередное значение при подготовке диссертации имели *протоколы колхозных и партийных собраний*. Они позволяют изучить и сделать выводы о целом ряде аспектов повседневной жизни колхоза: организации труда, мотивации крестьян, роли председателей и правления, причинах типичных конфликтов. Особая ценность этого вида источников заключается в том, что протоколы не подвергались последующему редактированию и во многих случаях передают «прямую речь», живые высказывания, личные оценки и персональные мнения участников собраний.

Другую группу источников составляют *статистические материалы*: производственные планы и годовые отчеты, акты приема-передачи, протоколы балансовых комиссий. Наибольшую ценность из них представляют годовые отчеты колхоза, содержащие данные о количестве дворов и численности трудоспособных, выработанных трудоднях, наличии техники и инвентаря, о площадях посевов, валовых сборах и урожайности, продуктивности животноводства и т. д. Эта первичная, еще не искаженная в районных и областных инстанциях, экономическая статистика дает возможность проследить действительную динамику развития производительных сил колхоза и его хозяйственных достижений.

При написании работы были использованы *материалы периодической печати*, прежде всего районной газеты «Колхозная правда» (с 1962 г. выходила под названием «Верный путь»). Всего было выявлено 492 публикации, касающиеся трудовых будней изучаемого колхоза, социальных проблем, жалоб крестьян и т.п.

Были привлечены также материалы *устной истории* – интервью с ветеранами колхоза «Новая жизнь», записанные в годы перестройки

калининградскими историками. Кроме того, в 2023 г. автором исследования было записано интервью с последним председателем колхоза (1987–1992) и первым руководителем ЗАО «Новая жизнь» (1992–1996), ныне главой муниципального образования «Правдинский городской округ» В.А. Бакалиным.

При подготовке исследования были задействованы неопубликованные архивные *материалы государственных и партийных инстанций* различных уровней (сельсовет, райком партии, Правдинский райсовет народных депутатов и его исполком, Калининградское областное управление сельского хозяйства и др.). Документы из этих архивных фондов позволяют дополнить картину сельской повседневности сведениями о производственной деятельности колхоза, сельской инфраструктуре, функционировании учреждений образования и здравоохранения, пропагандистской работе.

В ходе исследования также использовались *законодательно-правовые акты и партийно-правительственные постановления, материалы партийных съездов, конференций и пленумов*. Это были решения всесоюзного и республиканского уровней, определявшие вектор государственной аграрной политики в тот или иной исторический период.

Исследователь сельской советской повседневности сталкивается с проблемой практически полного отсутствия сохранившихся письменных источников *личного происхождения*. Компенсировать это можно за счет проработки других источников, в первую очередь, протоколов общих колхозных собраний, заседаний правления колхоза и заседаний партячейки. Эти рукописные источники открывают историку возможность анализа не столько экономических показателей функционирования сельхозпредприятия, сколько других граней жизни колхозников: взаимоотношений между людьми, конфликтов и их причин, мотивов тех

или иных действий. В целом источниковая база релевантна для решения поставленных в исследовании задач.

Методологическая и теоретическая база. Методологически исследование базируется на принципах историзма и объективности, что позволяет рассмотреть объект научного исследования в конкретно-исторических условиях. Используется метод системного изучения источников и литературы, сравнительно-исторический метод, историко-описательный метод, метод устной истории.

При выборе инструментария исследования в русле истории повседневности в диссертации использовались зарубежные и отечественные теоретические разработки в этой сфере²⁵. Одновременно изучался опыт вошедших в моду микроисторических исследований, которые все более сближались с историей повседневности²⁶.

В историографии существуют разные подходы и точки зрения о том, *что* и *как* изучает история повседневности. Одной из наиболее проработанных является концепция К.Н. Любутина и П.Н. Кондрашова²⁷, согласно которой повседневность понимается как человеческая деятельность, представляющая собой совокупность повседневного бытия (деятельность людей в целях удовлетворения обычных потребностей) и обыденного сознания (отражение бытия в психической деятельности людей

²⁵ Людтке А. Что такое история повседневности? Ее достижения и перспективы в Германии // Социальная история. Ежегодник, 1998/99. М., 1999; Вамбольдт Н.В., Шубина М.П. Повседневность в истории // Электронный научный журнал «Вестник Омского педагогического университета». 2006. URL: <http://www.omsk.edu/article/vestnik-omgru-27.pdf> (дата обращения: 14.11.2019); Пушкарёва Н.Л. «История повседневности» как направление исторических исследований // Перспективы, 2010. URL: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=50280> (дата обращения: 11.11.2019).

²⁶ Репина Л.П. Макроисторическая перспектива сегодня: теоретические и терминологические поиски // Преподаватель XXI век. 2014. № 2-2. С. 244; Кром М.М. Указ. соч. С. 13.

²⁷ Любутин К.Н., Кондрашов П.Н. Диалектика повседневности: методологический подход. Екатеринбург: Изд-во УГУ, 2007. 295 с.

в виде мыслей и переживаний), т. е. повседневная жизнь – это «двуединный процесс, включающий в себя повседневное взаимодействие человека (или группы людей) с разными реалиями окружающего его мира и субъективной интерпретацией этого взаимодействия»²⁸.

Такой подход обязывает исследователя выделять главную сферу деятельности. В настоящем исследовании ей стала основная трудовая деятельность, т. е. работа в коллективном хозяйстве. Другие условия и аспекты жизни (быт, отдых, семья, культурная сфера и т. д.) рассматриваются в качестве фона основной деятельности.

В современной исторической науке важную нишу заняла *устная история*, которая, несомненно, «обладает эвристическим потенциалом в исследовательском плане и способна помочь в достижении задач реконструкции повседневной жизни крестьянства»²⁹. Интервью членов артели позволяет дополнить исследование деталями, которые отсутствуют в протоколах собраний и другой документации колхоза, хранящейся в архивных фондах.

Научная новизна заключается в том, что в представленной диссертации впервые в региональной историографии предпринята попытка комплексного микроисторического исследования повседневной жизни одного отдельно взятого колхоза, хронологически охватывающего весь период его существования (1946–1992).

В научный оборот введен большой массив колхозной документации из областного и районного архива, прежде всего фонды самого колхоза, его

²⁸ Пушкарева Н.Л., Любичанковский С.В. Понимание истории повседневности в современном историческом исследовании: от школы Анналов к российской философской школе // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2014. № 1. С. 13.

²⁹ Хасянов О.Р. Методы устной истории в изучении повседневной жизни советского крестьянства // Вестник Самарского государственного университета. 2014. № 1 (112). С. 57.

партийной организации, сельского совета, ряда районных и областных органов власти и организаций. Эти материалы позволяют изучить проходившие в послевоенном советском сельском хозяйстве процессы глазами самих колхозников и проанализировать остающиеся за рамками макроистории различные аспекты повседневности, прежде всего жизненные стратегии крестьянства, взаимоотношения внутри колхоза, реальные и формальные механизмы управления артелью.

Применение микроисторического подхода позволяет верифицировать и критически оценить некоторые устоявшиеся в отечественной историографии положения, касающиеся основных этапов развития колхозной системы с середины 1940-х до начала 1990-х гг., выяснить реакцию колхозного крестьянства на политику государства и проводившиеся им реорганизации и реформы.

Научно-практическая значимость состоит в том, что материалы диссертации могут быть использованы при подготовке обобщающих работ по истории советской повседневности, истории Калининградской области, а также на лекционных и семинарских занятиях в рамках курсов по региональной истории.

Апробация работы. Основные результаты исследования и выносимые на защиту положения диссертации были опубликованы в 9 научных работах, в т. ч. в 3 статьях, напечатанных в изданиях, входящих в Перечень, утвержденный ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ, и в изданиях международных реферативных баз данных и систем цитирования, а также в одной из глав коллективной монографии.

Результаты и выводы исследования были представлены в виде докладов на трех международных и всероссийских конференциях: «Роль государства в колониационных процессах: от древности к современности» (Уфа, 2020 г.), «Исторические исследования в контексте науки о данных:

информационные ресурсы, аналитические методы и цифровые технологии» (Москва, 2020), «Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых» (Новосибирск, 2021), , а также на четырех региональных конференциях в БФУ им. И. Канта в 2021-2023 гг.

Структура исследования. Диссертация состоит из четырех глав, выделенных по хронологическому принципу. В первой главе рассматривается повседневная жизнь колхоза в годы позднего сталинизма (1946–1953), во второй главе – период маленковских реформ и хрущевской оттепели (1953–1964), третья глава охватывает два десятилетия со второй половины 1960-х до первой половины 1980-х гг., четвертая посвящена перестройке, по завершении которой произошла реорганизация колхоза в закрытое акционерное общество (1985–1992 гг.).

Положения, выносимые на защиту:

1. Вектор развития сельского хозяйства Калининградской области во многом определялся тем, что в послевоенные годы на бывших немецких землях была внедрена советская колхозно-совхозная система, не предусматривавшая альтернативных вариантов хозяйствования и с трудом вписывавшаяся в складывающуюся веками весьма специфическую местную аграрную инфраструктуру.

2. Кадры и трудовой потенциал переселенческого колхоза формировались за счет притока семей из разных мест выхода, в основном из наиболее пострадавших во время войны областей, часто потерявших на войне кормильца и лишившихся крова над головой. Кроме того, в числе завербованных крестьян оказалось до одной трети горожан, вообще не знакомых с сельскохозяйственным производством, а под видом трудоспособных вербовщики нередко записывали больных, инвалидов, несовершеннолетних и престарелых. Такой пестрый состав и низкая квалификация работников не только создавали почву для нарушений

дисциплины труда и производственных конфликтов, но и стали долговременным фактором, осложнявшим развитие всей аграрной отрасли.

3. Главная проблема сельхозартели как хозяйственной структуры, несмотря на несколько волн реорганизаций и реформирования, оставалась неизменной в своей основе: у ее членов отсутствовала мотивация к производительному общественному труду, который не получал адекватной оценки и соответствующего материального вознаграждения. В этих условиях недостаток трудового рвения колхозников был формой ответа на их эксплуатацию со стороны государства в качестве дешевой рабочей силы. основополагающая поведенческая стратегия членов сельхозартели заключалась в уклонении или минимизации своего участия в коллективном хозяйстве, что позволяло им экономить силы для других видов деятельности, прежде всего для работы на личном приусадебном участке с целью обеспечения жизненных потребностей крестьянской семьи.

4. Для сельскохозяйственной артели как социальной структуры были характерны разобщенность и отсутствие солидарности. Колхозное сообщество изнутри было пронизано постоянными противоречиями и многочисленными конфликтами. Основная линия «деревенских распрей» проходила между, с одной стороны, обладающим небольшими льготами колхозным начальством – председателем, приближенными к нему членами правления, другим управленческим персоналом и рядовыми колхозниками – с другой. При этом деятельность партячейки, непрерывная идеологическая, агитационно-пропагандистская работа, направленная на колхозную «массу», воспринималась ею без всякого энтузиазма и не оказывала существенного воздействия на повседневную жизнь селян.

5. основополагающим качеством колхозников было умение приспособливаться к повседневным реалиям и извлекать из них выгоду. Такая адаптивность привела к тому, что к моменту реорганизации артели в

1992 г. многие колхозники не представляли себя вне ее. Их вполне устраивало положение, при котором им был гарантирован пусть и невысокий, но стабильный заработок. А кроме того, они рассчитывали и дальше использовать «общую» собственность в личных целях, что стало важным фактором в пользу сохранения прежних порядков в появившемся на месте колхоза закрытом акционерном обществе «Новая жизнь».

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** приведено обоснование актуальности темы диссертационного исследования, определены его хронологические и географические рамки, сформулированы цели и задачи, установлены объект и предмет исследования, представлены историографический и источниковедческий обзоры.

Первая глава «Образование и становление переселенческого колхоза “Большевик” в 1946–1953 гг.» посвящена периоду формирования переселенческого коллективного хозяйства, организованного в 1946 г. в поселке Алленау (Поречье). В центре внимания оказались вопросы организации, учета и стимулирования колхозного труда, взаимоотношений между правлением, бригадирами и рядовыми колхозниками, проблема соблюдения трудового регламента и дисциплины, причины и способы уклонения крестьян от общественного труда.

Создание переселенческих колхозов на землях бывшей Восточной Пруссии проходило с немалыми трудностями, что в полной мере относилось и к рассматриваемой сельхозартели. Новоселам пришлось осваивать чуждую и частично разрушенную в ходе военных действий инфраструктуру, иметь дело с требующими ремонта жильем и хозяйственными постройками, заниматься поисками инвентаря, техники и

рабочего скота. Часть крестьян не смогла справиться с возникавшими на их пути проблемами и трудностями и покидала область, другие приспособлялись к новым обстоятельствам существования и находили способы выживания на новой земле в чрезвычайных условиях.

Одновременно с учреждением колхоза была создана первичная партийная организация, формально считавшаяся руководящей силой, но в практической работе которой дальше разговоров на партийных собраниях в большинстве случаев дело не продвигалось. Члены партячейки призваны были подвать пример и воспитывать односельчан, но отношение беспартийных колхозников к политпросвещению было индифферентным, на обязательных идеологических мероприятиях они предпочитали отмалчиваться, а при необходимости без возражений соглашались поддержать призывы трудиться больше и лучше.

Центральное место в повестке колхозных собраний первых послевоенных лет занимала проблема массового нарушения трудовой дисциплины. Колхозники опаздывали на работу и уходили с нее раньше положенного времени, небрежно выполняли наряды, а некоторые даже агитировали против колхозного строя. Достигнув установленный государством минимум трудодней, крестьяне переставали выходить на работу в колхозе, а некоторые не делали даже этого. На заседаниях правления бригадиры то и дело приводили незавидную статистику – к выполнению нарядов приступало менее половины трудоспособных колхозников. Уклонение от труда в коллективном хозяйстве не было проявлением банальной лени. Колхозники понимали, что не имеет смысла тратить силы на общественный труд, поскольку он плохо учитывался, а выдачи на трудодни не обеспечивали даже минимальных потребностей крестьянской семьи. Этому сопутствовали еще и регулярно повышавшиеся

плановые показатели и производственные задания, не соответствовавшие реальным ресурсам и возможностям членов колхоза.

В этих условиях колхозники были вынуждены выстраивать свои жизненные стратегии так, чтобы суметь обеспечить выживание себе и своим семьям: одни из них искали временные подработки на промышленных предприятиях райцентра, в соседнем лесничестве или близлежащих воинских частях, другие самовольно покидали артель, перебираясь в город, наконец, третьи (их было большинство) делали ставку на получение основного дохода за счет личного хозяйства.

Во второй главе «Влияние реформ Маленкова и Хрущёва на повседневную жизнь колхоза (1953–1964 гг.)» анализируется производственная деятельность колхоза в период реформ, инициированных Г.М. Маленковым и Н.С. Хрущёвым. Пристальное внимание уделено характеристике государственной политики в отношении личных подсобных хозяйств. Также были выявлены основные линии внутриколхозных противоречий и конфликтов, способы их разрешения и последствия.

Основной линией противоречий в секторе коллективного хозяйства как в период оттепели, так и на протяжении всей истории изучаемого сельхозпредприятия было противостояние между колхозным крестьянством и советским государством, которое проявлялось, как правило, в форме пассивного сопротивления. Вместе с тем довольно явные разногласия существовали и внутри самого колхозного сообщества. При этом такие свойства, традиционно приписываемые крестьянской общине, как взаимная помощь и солидарность в послевоенной советской деревне просматривались весьма слабо.

Одной из наиболее значимых аграрных реформ Хрущёва стала реорганизация МТС (1958 г.). В совокупности с укрупнением колхозов она должна была способствовать качественному улучшению производственных

показателей, но ускоренное проведение реформы не принесло желаемого результата. Колхозы были не готовы содержать, ремонтировать и качественно обслуживать приобретенную технику. Низкие заработки и тяжелые условия труда привели к текучке и постоянной нехватке кадров механизаторов.

В 1950-е гг. произошло некоторое увеличение доходов крестьян, однако новые системы оплаты труда оказались не способными простимулировать качественный рост производительности труда и обеспечить подъем потребления крестьянских семей или хотя бы компенсировать тот ущерб, который был нанесен новыми ограничениями на ЛПХ, продолжавшими оставаться едва ли не основным источником жизненных ресурсов членов колхоза.

Замена трудодней денежными выплатами в начале 1960-х гг. не избавила правление колхоза от регулярных жалоб его членов на низкую оплату труда. Попытки повысить производительность труда в артели за счет премий и надбавок не произвели должного эффекта. Правильная, по своей сути, идея, состоящая в доходчивом лозунге: «больше и лучше поработал, больше заработал», оказалась неработоспособной, так как не меняла основы прежних неэффективных принципов учета затраченного труда и распределения полученного дохода. Заработная плата оставалась крайне низкой вне зависимости от того, как она учитывалась – в трудоднях или денежном эквиваленте. Доход крестьянина по-прежнему не обеспечивал жизненными средствами его семью, что вынуждало искать посторонние источники заработка.

Несмотря на последовательную и весьма упорную борьбу советского государства с личными крестьянскими хозяйствами как буржуазными пережитками, отбить охоту крестьянина трудиться на своей собственной земле не удалось. Приусадебный участок продолжал оставаться важным

подспорьем получения крестьянской семьей натуральных продуктов и дополнительного трудового заработка.

Ожидания от реформ первой половины 1950-х гг. не оправдались. Из ежегодных статистических отчетов колхоза по животноводству и полеводству следует, что ни по одному из показателей не удалось добиться устойчивого роста, а позитивные сдвиги в некоторых валовых показателях деятельности артели были следствием, во-первых, применения экстенсивных методов развития (распашка новых земель, рост численности работников) и, во-вторых, широко распространившейся практики закупок и прямых реквизиций продукции с приусадебных участков крестьян, которая записывалась в счет выполнения колхозных планов. Колхозники продолжали отвечать уклонением от интенсивного труда в артели и использованием колхозной собственности в личных целях. Маленовско-хрущевские реформы оказались лишь небольшим шагом вперед, но они не затронули коренных причин неэффективности колхозной системы.

В третьей главе «Колхоз в “эпоху застоя” (1964–1985 гг.)» первоочередное внимание было уделено реализации на микроуровне экономических реформ, тон которым был задан мартовским пленумом ЦК КПСС 1965 г. Помимо этого, проанализирована деятельность общественных организаций и колхозной партиячейки, выявлены основные проблемы сельского инфраструктурного развития.

Производственная деятельность периода застоя оказалась противоречивой. В 1964 г. колхоз-середняк «Поречье» (так с 1957 г. именовали «Большевик») был объединен с отстающим колхозом «Советская Россия». Объединенное хозяйство получило название «Новая жизнь» и по итогам первого года своей работы оказалось в числе колхозов-

аутсайдеров Правдинского района³⁰. Мартовский пленум 1965 г. и последующие преобразования способствовали определенному подъему аграрного производства, что было сказалось и на деятельности «Новой жизни». Укрупненный колхоз к концу 1960-х гг. закрепился в статусе крепкого середняка, добился некоторого повышения показателей в полеводстве³¹.

С другой стороны, результаты в животноводстве остались на уровне предыдущих десятилетий, а местами и вовсе ухудшились. Постоянные разговоры о необходимости интенсификации трудовой деятельности так и не были реализованы на практике. Низкий уровень технического оснащения сельхозпредприятия и постоянные трудности с запасными частями не позволяли рассчитывать на качественное улучшение производственных результатов. Модернизация сельхозтехники породила внезапную (в итоге, так и не решенную в полной мере) проблему – недостаток людей, способных с ней грамотно обращаться.

Доходы колхозников на протяжении этого времени увеличивались, но продолжали отставать от заработных плат рабочих промышленных предприятий и совхозов, в связи с чем поведенческая стратегия большинства членов артели не претерпевала существенных изменений: они по-прежнему старались минимизировать свое участие в общественной работе, занимались ведением личного подсобного хозяйства, которое хоть уже и не являлось ключевым источником материального обеспечения, но оставалось важным подспорьем для многих крестьянских семей. Трудовая дисциплина продолжала оставаться не на высоте, но правлению колхоза приходилось закрывать глаза на проступки нерадивых односельчан из-за дефицита рабочей силы.

³⁰ ГАКО. Ф. П-122. Оп. 25. Д. 1. Л. 94.

³¹ Там же. Ф. Р-139. Оп. 10. Д. 375. Л. 25–26.

Брежневский период был временем формирования всякого рода общественных комиссий и групп, которые создавались для решения разнообразных вопросов и в соответствии с официальной теорией должны были стать ростками будущего коммунистического самоуправления: добровольные общества содействия, лавочные комиссии, товарищеские суды и пр., но их деятельность в основном была формальной.

Досуг селян стал более разнообразным, нежели в предыдущие периоды, чему в первую очередь способствовало развитие связей с «внешним миром» (более частые культурно-развлекательные поездки в Калининград и другие города региона, путевки в санатории и т. п.).

Тем не менее сохранялся ряд проблем: многие дома были не благоустроены, дороги практически не ремонтировались, в колхозе отсутствовала средняя школа, детский сад работал с перебоями, не хватало оборудования для получения медицинской помощи непосредственно в поселках колхоза. Эти трудности в совокупности с низкими заработными платами и сложными трудовыми условиями были ключевыми факторами, способствовавшими активной миграции людей в город и «старению» села.

В четвертой главе «Перестройка в колхозе “Новая жизнь” (1985–1992 годы)» представлена характеристика основных нововведений горбачевской эпохи в сфере организации производства и повседневной жизни колхоза, включая попытки смены системы управления, внедрения различных форм хозрасчета, поиск стимулов производительного труда, внедрение гласности и проведения различных общественно-политических кампаний. Рассмотрен процесс реорганизации колхоза в закрытое акционерное общество.

К середине 1980-х гг. колхоз «Новая жизнь» пребывал в кризисном положении. В запущенном состоянии была инфраструктура – как производственная, так и социальная. Большое количество преобразований

периода перестройки не привели к качественной трансформации аграрного сектора. «Вечные» проблемы колхоза, такие как низкая производительность труда, слабая трудовая дисциплина, плохое техническое оснащение, нехватка квалифицированной рабочей силы не только сохранились, но и отчасти усугубились. В немалой степени это объяснялось тем, что реформы в сельском хозяйстве следовали в русле преобразований в промышленных отраслях. Общие подходы и нормативы, разрабатываемые для «городской» экономики, не всегда были уместны на поле и ферме, не учитывали специфику сельского труда. К тому же долгое время они не касались фундаментальных основ функционирования сельского хозяйства – проблем собственности и внедрения рыночных механизмов хозяйствования.

Со стороны колхозников звучали призывы «дать свободу крестьянину»³², что позитивным образом отразилось бы на производственной эффективности, но руководство колхоза, специалисты, представители партийных и государственных органов власти районного уровня регулярно вмешивались в работу образованных на принципах хозрасчета малых трудовых коллективов.

Неудачи в реализации большинства реформаторских проектов поменяли отношение колхозников к перестройке: если в первые годы большинство ее поддерживало, то к концу 1980-х гг. вера людей в проводимые реформы угасла. С другой стороны, часть крестьян вполне устраивало прежнее положение, при котором общеколхозную собственность можно было использовать в личных интересах, и они не были настроены что-либо менять.

Период перестройки стал временем возвращения в колхозную повседневность некоторых демократических принципов, таких как

³² См., например: Там же. Ф. П-145. Оп. 1. Д. 38. Л. 51.

реальные выборы председателя и правления. Во-многом они оказывались лишь «игрой в демократию», поскольку ключевые решения все равно согласовывались на уровне райкома и обкома партии. В то же время речи ораторов, выступавших на колхозных собраниях, все чаще выходили за установленные идеологические рамки, а КПСС постепенно утрачивала свое влияние, что отразилось в сокращении рядов первичной парторганизации колхоза.

В феврале 1992 г. общее собрание колхозников постановило создать закрытое акционерное общество, сохранив прежнее наименование «Новая жизнь». Кроме названия, ЗАО унаследовало от колхоза и многие другие принципы трудовой организации. Были сформированы две комплексные и две тракторные бригады. Не претерпела изменений система оплаты труда. Оставалась выборность начальства – каждые три года общее собрание определяло председателя и членов правления. В протоколах собраний работников закрытого акционерного общества по-прежнему называли «колхозниками».

Таким образом большинство крестьян созданию индивидуальных фермерских хозяйств предпочли сохранение прежних порядков под эгидой закрытого акционерного общества. С одной стороны, причина выбора в пользу коллективизма заключалась в консервативной ментальности сельских жителей, предпочитавших рискованному индивидуальному хозяйствованию устоявшийся стабильный жизненный уклад, связанный с работой в составе крупного сельхозпредприятия. С другой стороны, люди надеялись, что сообща будет легче выживать в условиях тяжелейшего экономического положения.

В заключении сформулированы основные выводы по итогам проведенного исследования.

Разумеется, автор не ставил перед собой глобальную задачу дать

исчерпывающую оценку колхозной системе, а тем более, вынести ей окончательный приговор. Микроисторическое исследование, базирующееся на впервые вводимых в научный оборот архивных материалах, стало попыткой взглянуть на колхозную повседневность и оценить политику государства в деревне с иного ракурса, как бы глазами самих колхозников. Конечно, такой взгляд сам по себе ограничен, но он расширяет наши представления о колхозной жизни, добавляет новые краски в оценку развития аграрного сектора по сравнению с традиционным подходом.

В процессе переноса на калининградскую землю советской колхозной системы властям не приходилось прилагать специальных усилий, так как переселявшиеся сюда крестьяне уже имели опыт работы в коллективном хозяйстве и были хорошо знакомы с правилами и нормами колхозной жизни. Однако специфические условия аграрной инфраструктуры бывшей Восточной Пруссии (хуторское землепользование, разветвленная мелиоративная сеть и пр.) создавали дополнительные сложности на этапе формирования колхозов, а прибывавшие сюда колхозники далеко не все соответствовали плакатному образу бодрого и готового к ударному труду советского переселенца. Около трети завербованных на переселение в сельскую местность оказались горожанами, прежде никогда не занимавшиеся сельскохозяйственным трудом. С другой стороны, переселенцев отличали такие качества, как решительность, мобильность и способность адаптироваться к непростым условиям жизни.

Государственная аграрная политика была направлена на получение продовольствия для города и сырья для промышленности, т. е. село рассматривалось как источник ресурсов для других сфер экономики. Общий вектор преобразований в сельском хозяйстве, начиная со времен оттепели, не претерпевал существенных изменений. Они были в первую очередь

нацелены на увеличение объемов получаемой продукции. Об улучшении благосостояния самих колхозников партия и правительство «заботились» по остаточному принципу, не учитывая их интересов.

За годы существования колхозной системы так и не был найден механизм мотивации колхозников к общественному труду. Экономические стимулы в виде натуроплаты по трудодням, скромных денежных выплат и премий не прельщали членов артели, поскольку получаемые доходы не соответствовали их трудовым затратам.

Трудные условия жизни и тяжелый труд «за палочки» вынуждали крестьян прибегать к таким способам выживания, как получение дополнительного заработка за счет отходничества, уход из колхоза, уклонение от работы к коллективному хозяйству с целью экономии сил для работы на личном подворье. Частым явлением было смешение стратегий: одна часть семьи, как правило, это были мужчины, уходила трудиться в город; женщины отвечали за домашнее хозяйство; работу в колхозе старались ограничивать выработкой обязательного минимума трудодней.

Некоторое улучшение благосостояния колхозников в постсталинский период сняло проблему физиологического выживания крестьянской семьи. Однако из-за низких заработков колхозники были вынуждены продолжать искать сторонние источники дохода, а также использовать колхозные ресурсы и имущество в личных целях. Это было своеобразной формой ответа государству – за счет общественной собственности крестьяне добивали то, что недополучали в виде трудового вознаграждения.

Наследием десятилетий колхозной жизни стало отчуждение крестьянства от средств производства, и когда открылась возможность свободного развития сельского хозяйства, большинство колхозников отказались от этого пути в пользу сохранения устоявшихся порядков. Это было связано не только с утратой предприимчивости и нежеланием

рисковать, но и с тем, что за время существования колхоза они сумели приспособиться к этой псевдоколлективной форме хозяйствования посредством переноса центра приложения своих сил на личный приусадебный участок. В совокупности с возможностью использовать общественные фонды для извлечения личной выгоды это обеспечивало получение небольшого, но гарантированного дохода и давало ощущение стабильности.

**Основные положения диссертационного исследования отражены
в следующих публикациях:**

*Публикации в ведущих периодических научных изданиях,
рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования
Российской Федерации*

1. Филёв М.В. О мотивации труда колхозников в последние годы Сталинизма (1946–1956) // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2021. № 2. С. 72–82.

2. Костяшов Ю.В., Филёв М.В. Конфликты в повседневной жизни послевоенного колхоза: опыт микроисторического исследования // Вопросы истории. 2021. № 12–1. С. 175–184 (Scopus).

3. Филёв М.В. Как реформы Маленкова и Хрущёва изменили жизнь колхоза «Большевик»: опыт микроисторического исследования // Крестьяноведение. 2022. Т. 7. № 2. С. 68–92 (Scopus).

Глава в монографии

4. Филёв М.В. «Новая жизнь»: опыт микроисторического исследования // «Советский народ» на крайнем западе России (1945–1991): теория и практика формирования «новой исторической общности» в

Калининградской области / ред. И.О. Дементьев. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта. 2022. С. 215–229.

Другие публикации

5. Филёв М.В. «На происки империалистов ответить самоотверженным трудом»: идеология и пропаганда в колхозе «Большевик» Правдинского района (1946–1964) // Калининградские архивы. 2021. № 18. С. 91–107.

6. Филёв М.В. Сатирические зарисовки на страницах Правдинской районной газеты «Колхозная правда» // Четвертая зимняя школа по гуманитарной информатике. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта. 2020. С. 54–62.

7. Филёв М.В. Сельская повседневность на страницах газеты «Колхозная правда» (1950–1961 гг.): опыт контент-анализа // Исторические исследования в контексте науки о данных: информационные ресурсы, аналитические методы и цифровые технологии. М.: ООО «МАКС Пресс». 2020. С. 146–153.

8. Филёв М.В. Сельский досуг: опыт микроисторического исследования послевоенного колхоза «Большевик» Калининградской области (1946–1964 годы) // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых учёных. Новосибирск: Институт истории СО РАН; Новосибирский государственный университет; АНО «Свободные науки». 2021. С. 193–204.

9. Филёв М.В. Создание переселенческих колхозов в Калининградской области в первые послевоенные годы // Роль государства в колонизационных процессах: от древности к современности. Уфа: Изд-во Башкирского государственного университета. 2020. С. 260–266.